

Сергей КНЯЗЕВ

СТАС ЖАЛОБНЮК: ПРОСТРАНСТВО АМАЛЬГАМЫ

"Убейте моих демонов —
и мои ангелы умрут".
Марин Хайдеггер

...Ты же знаешь, мы с тобой вечные, мальчик. Там, где зима и зима ствол в ствол, зеркало в зеркало распахнет ледяные коридоры, черные, головокружительные, там и есть наш тихий омут, наш бескрайний дом. Дети не выманят нас оттуда наивной ворожкой, не спугают нитями, не вычешут гребнями. Там я жду, раскрыв длинные руки, чтобы положить тебя голым камнем на горячий живот. Там я жду, пока ты ищешь меня в каждой. Намечтай себе, пока это можно, тонкий язык и гибкое горло.

какое-то колыханье внутри грудной клетки море волнуется раз то ли вчерашнее то ли нечто большее как привести внутреннее и внешнее в состояние подобия? беспокойство какое-то, переживания, даже озноб! — сердце в мурашках стоял ноябрь уж у двора я пожалуй люблю жить в тихой и светлой (и мягкой и теплой) печали листопад, шопен, что-то такое изредка позволительны конечно приступы веселья, анекдоты, кривлянья, но концепции они не меняют, наоборот осень — мой сезон! мое время! мое счастье — цвета опавших листьев и девушка на велосипеде под дождем с мокрым лицом улыбается красивая я больной человек еще немного и внутреннее с внешним придут в состояние подобия

Знаю, ты любишь, как пахнет асфальт, свежий, рассыпчатый, с дымком, — и мокрый рассветный; любишь ржавые ряды гаражей вдоль рельс, тополиные клейкие почки и пугающих бражников, бьющих поклоны перед дачной лампадкой. Будто в каждом из них — душа, а на душе — тяжкий грех, искупить который может только смерть, только смерть. Любишь марлевый полог под яблоней, тяжелое от росы ватное одеяло, тянущую сладость внизу оттого, что видел меня во сне, без лица и без голоса, но узнал, не мог не узнать. Ты все еще там, лежишь, закинув за голову острые мальчишеские локти, и тебя еще зовут пить молоко, и звездное колесо еще поворачивается над тобой, задавая тон твоей неизъяснимой печали. Много раз повторится это беспокойное чувство нетяжелой утраты — так видишь утекающий песок в часах, воду в реке, прибывающую луну, секундную стрелку. Ты все еще лежишь там, а я тебя жду.

в детстве на слегка подсохший кусок хлеба намазываешь масло, сверху загустевший мед и мажешь, мажешь, пока все не перемешается в сладкую масляную массу и с чаем! вот так же сейчас — сначала на нее наверно намазано много секса, а сверху густая нежность, или наоборот да и неважно, что где, потому что тоже — намазываешь, размазываешь, и оно все перемешивается, перемешивается, и уже не отличить гладить от сжимать, лизать от всовывать, шептать от кусать, касаться от сминать, ром от кока-колы

Жду, пока ты открываешь новые страны, новые письма, новые кни-

ги, новые бутылки, получаешь дурные вести и заслуженные пощечины, разворачиваешь вкусно пахнущих женщин в хрустящих обертках, провожаешь облака, поезда, старый год под бой курантов, празднуешь рождения дочерей, одерживаешь победы, сдерживаешь слезы. Терпеливо жду, как ждет медленный полусонный коньяк в дубовой бочке, как ждет плененный джинн, как ждет тайфун в сердце океана. Я же знаю, мы вечные, мальчик, и где бы ты ни был, каждый твой шаг приближает тебя ко мне.

Все это не представляло для меня абсолютно никакого интереса. У меня внутри работали механизмы, настроенные на иные гармонии, скажем так. Хотя это и бред. Я человек очень необычный. Главная моя необычность в том, что я себя считаю крайне необычным человеком. Меня занимает такой вопрос — все ли люди считают себя такими же необычными? Если это так, то это, в сущности, трагедия для меня. В чем будет тогда моя уникальность? Быть может, в том, что несмотря на отсутствие оной, я, тем не менее, продолжаю считать себя уникальным? Интересно, подумал я тут, а много ли людей, которые, несмотря на осознание своей...

Твое лицо — напоминаешь холодной ветреной зимой о гипнотическом качанье блаженных мальв, когда, как Ной, июльский вечер собирает всех тех, кому спастись дано, и в вены вспухшие вливает целебных сумерек вино. Они приходят; сняв сорочки, воды забвенные испив, кладут бессмысленные строчки на незатейливый мотив. Их дети, повзрослев от зноя, степенно ходят по дворам, давно сухое, голубое бельё их гладит по щекам. А в кухнях запевают жены про тот сокрытый в чаще грот, где молодого Актеона нагая Артемиды ждет. Я глух к их песенным страданиям. Я у окна, как неживой. И о тебе напоминаю цветов темнеющих покой.

Сергей Четвертков

Жду, пока ты открываешь новые страны, новые письма, новые книги, новые бутылки, получаешь дурные вести и заслуженные пощечины, разворачиваешь вкусно пахнущих женщин в хрустящих обертках, провожаешь облака, поезда, старый год под бой курантов, празднуешь рождения дочерей, одерживаешь победы, сдерживаешь слезы. Терпеливо жду, как ждет медленный полусонный коньяк в дубовой бочке, как ждет плененный джинн, как ждет тайфун в сердце океана. Я же знаю, мы вечные, мальчик, и где бы ты ни был, каждый твой шаг приближает тебя ко мне.

"...но у меня не было причин для страха. в раскинушемся вокруг меня необъятном чудом городе, среди семи миллионов жителей, не было ни единого человека, который испытывал бы ко мне любовь. я был в полной безопасности".

Милорад Павич, "Третий аргумент"

о! или вот на дне рождения у знакомых видишь ты девушку, она сразу тебе нравится, потому что красивая, смеется, ну все такое. божейой в общем. а хозяйка вдруг подходит к тебе и спрашивает — а ты с машей не знаком? ты говоришь — нет, познакомь. и она ведет тебя к маше эти пять несчастных метров, и пока ты их преодо-

леваешь, ты уже чего только не успел себе представить про вас с машей — и оживленная беседа, и как вы друг другу нравитесь, и долго болтаете обо всем, выпиваете, и как вы уходите вместе и едете в такси, и уже прямо там, в такси, вы отводите рукой ее волосы и целуете куда то под ухо и шепчете на ухо то что и вправду думаете про нее и она вам отвечает как-нибудь, и вы лезете рукой ей под юбку и видите как шофер поправляет зеркало заднего вида. и дальше — секс, даже какой именно! и как! — мелькает картины в голове, хоть вы и гоните их подальше изо всех сил, — и дальше, как вы живете вместе, как едете в Париж в отпуск, и в тот самый ресторан в сен-жермен, за тот самый столик! и как потом, взявшись за руки

и тут хозяйка говорит — "маша, знакомься, это стас! стас — маша! она такая-то и такая-то, а стас, маша, это тот самый стас, который то то и то то" и примерно через две минуты становится ясно что ангел снова пролетел мимо и что обманчивое дуновение его крыльев — это все, что вам положено сегодня на ужин, друг мой. и вы, уже из другого угла комнаты, заметите незначай эту скучную машу и ухмыльнетесь "идиот! болван наивный" и посмеетесь опять искренне и по-доброму над собой

но вот правда бывают еще такие случаи, когда в конце бывает совсем не до смеха. совсем.

Как будто с уголка расклеив обыденности письмецо, горячим сквозняком повеяв, чужая жизнь дохнет в лицо, и величайшим откровением перед тобой предстанет вдруг курсантов бедное веселье в глухом училищном саду. Наотмашь за стволы хватаясь, вытягивая на себя ландшафт, они, сближаясь-удаляясь, под звон проснувшихся цикад бегут, — как нимфы хохотливы; в игре искусны и в бою — на петли, узелки, извивы разматывают жизнь твою. На совесть сделанные торсы сотрутся в сумерках, гляди: пух с тополей кружится, вьется, сплетаясь в линии, пути — как если бы Творец всех судеб твою ладонь в свою бы взял и все, что было, есть и будет, тебе подробно рассказал.

Сергей Четвертков

Изолирую на холсте стул, я лишаяю его всякой обыкновенности, и одновременно я лишаяю весь холст характера обычного предмета (где он должен, по Уорхолу, абсолютно походить на стул). Этот тупик хорошо известен: искусство не может ни раствориться в повседневном (холст = стулу), ни овладеть повседневным в качестве такового (чтобы изолированный на холсте стул был равен реальному стулу). Имманентное и трансцендентное равно невозможно: это два аспекта одной и той же мечты".

Жан Бодрийяр

Маленькая мастерская в глубине двора, старая железная лестница, красивая музыка

вечер пятницы, все наверно пьют, веселятся и подмигивают друг другу где-нибудь а я тут один кукую как демон врубеля

Этим летом тонкая девушка в шелковом платье сорта "мандалин" с кипящими смолой волосами идет, танцует, по Одессе, по своим

страшно веселым и не вполне законным делам. Из глубины кафе, сквозь витрину, они с картиной видят друг друга, и живопись попадает ей аккуратно между сосков и застревает, обмякнув, в целомудренной ладанке с кокнаром. Она принимает ее за лишний удар сердца, за поцелуй солнца, за полдень по часам, что показывают только прошедшее время. Так страшно и сладко не зная, когда твой собственный сюжет набросится на тебя тухлым осьминогом, заговоренной фатой, чтобы души и направлять и бить на развилках о путевые камни.

Уступи мне свои глаза, любовь моя, уступи свои уши и кожу, и пальцы, на один день и одну ночь. Я хочу видеть себя, слышать и осязать, хочу разделить твой восторг, так никогда мне и не доступный. Что ты находишь во мне, где та нефть, то золото и та корица, где те ясноликие махаоны, крыльями разгоняющие любую печаль? Девушка с букетом воздушных печений тчится скрыться из виду, затеряться в толпе, но это же невозможно, покуда все оборачиваются ей вслед, пеня людской поток кильватерной струей. Ее формочки из песочного теста, ее роскошная пчелиная матка, едва угадывающаяся под платьем, — как бы мне увидеть все это твоими глазами, радость моя? Что чувствуешь ты, еженощно, преступно, одиночно и будто бы не по праву творя ей любовь? Почему ты плачешь, торя тропы в моем теле, мальчик-с-пальчик, не прихвативший в дорогу хлебных крошек?.. Она хохочет и стайкой разноцветных рыбок хватает его за узкие лодыжки и смешные полосатые трусы. Она ни слова не понимает на его языке; на его языке она может только таять, как розовый леденец, и намочать, как забытое мороженое.

Я знаю, она так прекрасна, что больно глазам, все встречные жалуются ей на это, но она не слушает жалоб, иначе упадет, стреноженная путями милосердия. Помаши ей рукой, моя радость, потому что владеть ею — все равно что сжимать в объятиях солнечный блик, клок тумана, аромат цветка.

гремит салют, собаки лают, соседи в домино играют и пляшут девочки в саду; а я сквозь это все иду, и ничего не понимаю, но ничего не забываю, и улыбаюсь в темноту

Сергей Четвертков

туша без остатка отдала себя крышам, машинам, зонтам, сиреневым баклажанам, матовым яблокам, дождевым червям и жестяному подоконнику

бессильно всхлипывая, ты представляешь, как подоконник отдаст всю тебя асфальту, и уж асфальт! асфальт-то уж не отдаст тебя никому

В этот момент она сказала: — Ну что, пойдём? — И мы пошли, так и не сумев додумать мою мысль, которая еще некоторое время занимала нас в моем лице, наряду, не скрою, с небольшой, но тепленькой мыслью о женщине в розовом шарфе. Но скоро мне было уже не до них.

мне не догнать теееебя мне не догнать тебя мне никогда никогда не догнать тебя

(Песня)

Все это немного неправильно. божейой божейой

Как же так может быть, что все это уже было? Даже то, во что скрутила ты ты мои внутренности, все эти пузырьки в голове и горячий иней на сердце — неужели так же в точности скручивало, пузырило и обмораживало их, тех кто впервые иступленно гладил руки старомодной и туманной?

Пока я покорна, пока тот зверек, что внутри, накормлен, ни опущенный взгляд, ни искусанный рот, ни обиженный звон тарелок не сдвигают помешательство явным. Пока я с тобой, повсюду ты прав, справедливый. Но бойся оставаться безжалостным, сострадай моему безумию, ибо только безумная могла полюбить такого, как ты.

Я живу на изнанке, но знаю: пока я пишу и теряю рассудок, на той стороне проступает рисунок, и именно там я веду свой красивый, смертельный турнир. И если я верю в себя, то мой мир — волшебный фонарь изнутри. А если не верю, то кто же посмотрит снаружи? Ведь он не горит.

Неужели все это уже было? Все это уже умерло и умирало миллионы раз и значит это то, что сейчас во мне, умрет тоже?

Да что Модильяни! я даже в себе помню все это. И потому что я уже называл это все именами, придумывал красочные эпитеты и красивые аллегории, мне не хочется сейчас ничего придумывать, но как же тогда показать тебе все это, если руками и губами дотануться до тебя в данный момент нет физической блядь возможности. Приходится опять выдумывать какие-то пузыри, хотя выдумывать сейчас как раз легко, что угодно.

Не хочу трезветь.

Я люблю в ней все Шею без единой морщинки. Ключицы, неровно выпирающие из тела.

Жесткую косточку на сгибе локтя — как она называется?

Шрам от аппендицита. То, как она закусывает нижнюю губу, невинно-кокетливо, соблазнительно до затмения мозга.

Ямочку пупка, до дна которой не добраться губами, только языком. Теплую белую кожу на внутренней стороне бедра, особенно там, в самом верху.

Пупырышки на сосках. Щиколотки в носках. Маленькие ступни. Или ворота. Дверь в ее внутренний мир.

Она позволяет мне находиться одновременно и сверху, и внутри нее. Я становлюсь всеобъемлющим и всепроникающим, как атмосфера.

"Этот мир устроен не так, как хотелось бы. Но если бы он был устроен так, как хотелось, хотелось бы иного".

Альбер Камю

...И вот мне приснилось, что сердце мое не болит, Оно — колокольчик фарфоровый в желтом Китае На пагоде пестрой... висит и приветно звенит, В эмалевом небе дразня журавлиные стаи.

А тихая девушка в платье из красных шелков, Где золотом вышиты осы, цветы и драконы, С поджатыми ножками смотрит без мыслей и снов, Внимательно слушая легкие, легкие звоны. Николай Гумилев, отрывок из стихотворения "Я верил, я думал...", сборник "Чужое небо", 1912 г.